

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

КАК КЕННЕДИ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ

Н. Н. Яковлев

1. Дорога к власти

В 1888 г. у Патрика Кеннеди, владельца двух банков, «босса» всей восточной части города Бостона, родился сын Джозеф. Его определили в привилегированную бостонскую Латинскую школу, а позднее — в Гарвардский университет. С 1913 г. Джозеф Кеннеди начал вести «собственное дело», став при помощи отцовских денег президентом банка «Коламбия Траст». В 25 лет он был самым молодым банкиром США. В 1914 г. Джозеф добился руки Розы Фицджеральд. Отец Розы к этому времени стал мэром Бостона. Новая семья быстро выросла: в 1915 г. родился Джо, в 1917 г. — Джон, в двадцатые годы — пять дочерей и сын Роберт (в 1925 г.) и, наконец, Эдвард — в 1932 году. Еще быстрее росло состояние Кеннеди.

Джозеф начал с земельных спекуляций. В 1917 г. он уже был заместителем управляющего верфями «Беттлхэм стил» в Квинси. 22 тыс. рабочих, оклад 20 тыс. долларов в год плюс значительные бонусы. Перемирие 1918 г. положило конец буму в судостроении, работавшем на мировую войну, и Джозеф немедленно бросается в знакомую сферу — биржевую игру. Вознаграждение — управляющий финансовой фирмой «Хайден, Стоун энд К^о». Затем с группой предприимчивых бостонцев он устанавливает финансовый контроль над тридцатью одним кинотеатром в Новой Англии¹.

Кеннеди еще не минуло тридцати пяти лет, а он уже обладал несколькими миллионами долларов. В 1922 г. Кеннеди расстается с «Хайден, Стоун энд К^о» и «одиноким волком» охотится на нью-йоркской бирже. В 1926 г. он перевозит в Нью-Йорк семью. Некий бостонский банкир с отвращением заметил: «Наш город — небольшой чистый пруд, а Нью-Йорк — громадное грязное болото. Оно-то и нужно Джо».

Преуспевающий делец приобрел громадный дом в Бронксвилле. К дому примыкал солидный земельный участок — пять акров. Цена (250 тыс. долл.) не смутила главу семьи. Вскоре был приобретен для зимнего отдыха дом в Палм Бич (штат Флорида), а затем куплен довольно крупный участок земли в Хайнниспорте, в окрестностях Бостона, где постепенно вырос семейный поселок клана Кеннеди. Три резиденции — «пристойно» для человека его состояния.

Финансовые операции Кеннеди по сей день интригуют американских исследователей и журналистов. О них мало знают. Джо Кеннеди действовал скрытно, «делая деньги» в одиночку. Лишь немногие эпизоды стали достоянием гласности. В 1926—1928 гг. Джозеф объявляется в Голливуде. Его деятельность в городе кино продолжалась тридцать два месяца. То было время особого расцвета киноиндустрии, триумфального шествия «великого немого», творца неиссякаемых иллюзий и сказочных грез. Кеннеди сумел пробиться в руководство трех крупнейших кинофирм, а в 1928 г. организовал громадную студию «Радио-Кейс-Орфеум».

Тогдашняя кинозвезда Глория Свенсон, женщина дорогая и разборчивая, оценила Джозефа. Он финансировал два фильма с ее участием, дабы еще более прославить актрису. Глория стала близким другом Кеннеди, они постоянно бывали вместе и на людях. Но внезапно расстались. «Я поставила под сомнение мнение Джозефа, — пожаловалась она журналистам, — а он этого не любит». Кеннеди с выгодой продал свои интересы в кинопромышленности и вернулся в Нью-Йорк. В напряженных трудах в Голливуде он потерял пятнадцать килограммов в весе и приобрел пять миллионов долларов.

При первых ударах кризиса 1929—1933 гг. Кеннеди обратил акции в деньги. Он сумел не только переждать финансово-экономическую бурю, но и умножить свое состояние. Кризисные годы, потрясшие устои капитализма, напомнили мультимиллионеру о политике. В 1932 г. Гарвардский университет опубликовал анкету о роде занятий выпускников 1912 г.; против имени Кеннеди красовался его гордый ответ: «Капиталист». Не очень популярный титул в тогдашних Соединенных Штатах, где было 17 миллионов безработных. Но кому, как не капиталистам, спасти капитализм? — рассудил Кеннеди. И когда «спаситель» Франклин Д. Рузвельт появился на президентских выборах 1932 г., Дж. Кеннеди душой и деньгами был с ним. «Я — единственный человек, стоящий

¹ R. Whalen. Joseph P. Kennedy. A Profile in Power. «Saturday Evening Post», October 10, 1964, p. 27.

больше 12 долларов*, кто за Рузвельта», — шутил он. Он дал на избирательную кампанию 25 тыс. долл., тут же одолжил демократической партии еще 50 тыс. долл., а 100 тыс. долл. помог собрать среди друзей. Кеннеди оказал Рузвельту неоцененную услугу, добившись поддержки его кандидатуры газетным концерном Херста. После избрания президентом Ф. Рузвельт назначил Кеннеди главой вновь созданной Комиссии по регулированию денежных сделок и биржи. Либералы, шедшие за президентом, ужаснулись: Белый дом пожаловал акулам капитализма лощана той же нечистой породы, к тому же водившего дружбу с фашистским демагогом, «отцом» Кофлином, развившим тогда в США широкую деятельность. Президент отмалчивался. На Уолл-стрите ликовали.

Когда Джозеф сел в кресло председателя комиссии, в месяц выпускалось на рынок ценных бумаг на сумму всего около одного млн. долл.; через год их выпускали на двести тридцать пять миллионов. Доверие крупного капитала было восстановлено. По иронии судьбы председатель данной ему властью запретил множество таких приемов деловых сделок, которые принесли ему обогащение ранее, в двадцатые годы². Пробыв 431 день на государственной службе, Джозеф подал в отставку. Он сумел неплохо заработать на отмене «сухого закона», поставив под контроль импорт шотландского виски в США. Новые миллионы не опьянили Джозефа, он сохранил по-своему трезвую голову и помнил о «благодетеле».

В 1936 г., когда крайние реакционеры попытались не допустить переизбрания Рузвельта, из-под пера Кеннеди выходит написанная кровью сердца книга «Я — за Рузвельта!». Он не щадил слов в адрес «современных бурбонов», осуждал «неразумные, фанатические, иррациональные предубеждения» против Рузвельта. Идеи Кеннеди клонились к тому, что, если не улучшить положения трудящихся, тогда неизбежна революция. Ибо, спрашивал он, зачем голодному избирательное право? «Чудесная книга! — восклицал Рузвельт. — Она важна не только для избирательной кампании, но и для здравого просвещения» народа. Авторитет финансиста-политика круто шел в гору. Крупнейшие корпорации США наперебой приглашают его как эксперта дать рекомендации о лучшем ведении дел. Гонорары невиданные. «Радио корпорейшн оф Америка» заплатила ему 150 тыс. долларов за обследование ее состояния; кино-синдикат «Парамаунт Пикчерз» — 50 тысяч долларов. Концерн Херста пригласил его на работу с окладом в 10 тыс. долларов в неделю. Но государственная служба казалась ему полезнее. В 1937 г. Рузвельт назначает Кеннеди главой Комиссии по делам торгового флота. Нужно было разобраться, почему торговое судоходство в упадке. Кеннеди выполнил поручение президента и заслужил очередную благодарность.

В 1938 г. грозные тучи войны в Европе поднимаются над горизонтом. Президент направляет Кеннеди на один из самых ответственных дипломатических постов за рубежом — послом в Англию. Обладатель более чем 200 млн. долл. становится чрезвычайным и полномочным представителем США в Лондоне. В день прибытия Кеннеди в столицу Великобритании толпы журналистов устремились в просторный особняк (пода-рок Дж. П. Моргана правительству) на Гросвенор-сквер, где помещается американское посольство. В кабинете их встретил дипломат необычайной формации. Положив ноги на полированный стол, развалившись в кресле, Джозеф Кеннеди поверх начищенных ботинок доверительно сообщил: «Ведь я не могу мгновенно превратиться в государственного деятеля, верно?» Английские газеты умилились: мудрый президент оказал честь, прислав послом к королю неподдельного американца.

Отблеск миллионов Кеннеди сиял на страницах газет, ослепляя обывателя с глянцевого обложки еженедельников, однако в доме владельца этих миллионов на разговоры о деньгах было наложено строжайшее табу. На девять детей были заведены счета: по достижении совершеннолетия каждый из них получал в конечном счете более чем по десять миллионов долларов. Упоминать об этом в семье было также категорически запрещено. Родители имели свои педагогические идеи. Мать придавала большое воспитательное значение частому употреблению палки и ежедневному посещению церкви. Отца просто распирали радужные надежды по поводу будущего детей. Пока дети были маленькими, они всецело находились на попечении матери, а подрастая, подпадали под влияние отца. Прежде всего спорт: бесконечные спортивные игры, атлетика. Специально нанятые тренеры следили за тем, чтобы дети находились всегда в отличной форме. Наказ отца — не пить и не курить до 21 года. Выдержавшему выдается в день совершеннолетия две тысячи долларов в дополнение к первому миллиону долларов, доходами от которого отныне он или она могли распоряжаться. Почему миллион долларов уже в 21 год? Джозеф объяснил: «Я делаю так, чтобы любой из моих детей в финансовом отношении был совершенно самостоятелен и мог послать меня ко всем чертям». Что касается запрещения пить и курить, то отцом двигали не высокоморальные, а весьма прозаические соображения: «Не могу понять, зачем тратить деньги на то, что приносит вред здоровью?» Джон не взял чека на две тысячи долларов, когда ему минуло 21 год: он признался, что пил пиво со студентами.

Джозеф Кеннеди прочил сыновьям большое будущее, которое видел в политике. Он помнил свое детство, когда беседы в доме вращались исключительно вокруг политических дел Бостона. Одна из первых сцен, врезавшаяся ему в память: двое мужчин

* Подразумевается недельный заработок.

² «The Kennedy's Years». N. Y. 1964, p. 33.

пришли к отцу и обычным тоном, как будто дело шло о пустяке, заявили: «Пат, сегодня мы проголосовали 128 раз»³. За столом у видного деятеля администрации Ф. Рузвельта разговор, разумеется, шел на ином уровне. «Я, пожалуй, не припомню ни одного обеда,— рассказывал впоследствии Роберт Кеннеди,— когда беседа не была бы посвящена тому, что делает Франклин Рузвельт или что происходит в мире... Поскольку общественные дела доминировали над всем нашим домом, казалось, что они—простое продолжение быта семьи»⁴. Как водится, отец и мать любовались прежде всего старшим сыном. Еще подростком Джо гордо объявил, что будет первым президентом-католиком в США. Отец поддержал полет мысли сына, да и трудно сказать, не он ли подсказал самую идею? Джону, который был на два года с небольшим моложе Джо, в детские годы пришлось трудновато. Джо ревниво оберегал свои prerogatives первенца, вживался в роль будущего президента, великодушно опекая малышкой, но не давал спуску ближайшему по возрасту брату, возможному сопернику. Схватки между мальчишками всегда приносили победу Джо. Джону часто приходилось ходить в синяках; между ними происходили нешуточные драки. Отец философски относился к распрям братьев: «Пусть дерутся между собой; я не вступлюсь, пока они вместе дерутся против посторонних». К тому же финансисту, жившему в долларовых джунглях, был мил дух борьбы, который он вылавливал с детства в сознание детей. Всегда будь первым! «Мне безразлично, кем ты будешь в жизни,— с наигранным равнодушием начинал он,— но кем бы ты ни был, будь лучшим в мире в своей профессии. Пусть ты будешь землекопом, но будь самым лучшим землекопом». Энис, одна из дочерей, рассказывала: «Даже когда нам было по шесть-семь лет, папа заставлял принимать участие в состязаниях по плаванию... Он постоянно повторял: быть вторым скверно. Самое главное — победить, не прийти вторым или третьим, а победить, победить, победить!» Джон был послушным сыном, и, когда ему подарили парусную лодку, он назвал ее «Виктура». Кто-то спросил, почему. Мальчик ответил: «Это — латинское слово, означающее что-то вроде победы». В искусственно созданной родителями атмосфере волчьего логовища, несомненно, приобретался характер. В волчьих выводках родители обычно поощряют сильнеешего. Том Шрибер, приятель Джо, так описывает обстановку в доме Кеннеди в Бронксвилле. Было лето 1933 года. Отец собрал старших сыновей в библиотеке. Обстоятельно обсудил с ними и Томом последнюю реформу — создание в США корпуса сохранения ресурсов. Юноши дали разумные ответы. Затем — играть в американский футбол, изобилующий силовыми приемами. Высыпали все, вплоть до девочек. Том и Джо — одна команда, Джон возглавляет другую. «На нас повисали дети со всех сторон. Мы были старше и сильнее их и, конечно, выигрывали. Но их было больше, и нельзя было предугадать, что произойдет. Вокруг лужайки перед домом в Бронксвилле множество деревьев. Я бегал за мячом, помня об этом, но Джо, Джон и Бобби летели стремглав и — р-раз! Они бились о деревья. Я помню множество случаев, когда того или другого из ребят поднимали без сознания и уносили, они всегда были забинтованы и в синяках». А из окон дома родители наблюдали за играми молодежи, подзадоривая отстающих.

Хотя на площадке для игр Джон старался не ударить лицом в грязь, он был самым тихим ребенком в семье. Но это его не спасало. Журналисты, спросившие Розу Кеннеди, как ей удалось воспитать сына-президента, получили точный и свирепый ответ: «Я довольно старомодная женщина и верю в телесные наказания. В детстве я нещадно лупила Джона»⁵. На удивление отцу, матери, братьям и сестрам, он с детства приобрел черты «книжного пьяницы». Быть может, этому способствовали частые болезни: мальчик рос довольно слабым, перенес дифтерит, скарлатину, тяжелый аппендицит, имел хронически больной желудок. В месяцы вынужденного безделья в постели он пристрастился к чтению. Рано определились и вкусы: только исторические сочинения. Джон крайне неохотно читал романы и повести. Громадное впечатление на юного читателя произвели книги У. Черчилля. Он зачитывался его многотомным трудом о герцогне Мальборо. Обнаружилась поразительная память: Джон запоминал на всю жизнь множество цитат и мог безошибочно воспроизвести их. В детстве его редко видели без книги. Болезни затянули обучение. Только четырнадцать лет Джон попал в одну из лучших частных школ в Чоате (штат Коннектикут), где уже учился Джо. Здесь юношей основательно готовили в области спорта; тренер футбольной команды развивал резвость своих учеников, бегая по полю с веслом. Тот, кого он догонял, получал увесистый шлепок. Джон оказался скор на ногу: президент Кеннеди, встретив постаревшего тренера, радостно закричал: «Вам так и не удалось заехать мне как следует веслом!» Что до успехов в науках, то по-латыни Джон не успевал, по-французски шел немного лучше и имел твердые тройки по английскому языку и истории. Учителя находили, что юноша способен учиться лучше, и ставили ему в пример брата-отличника. Отец пригрозил, что лишит его обещанной поездки в Англию; Джон раскаялся. Он пишет домой, что, обсудив с приятелем Биллингом свои успехи, они «наконец решили перестать валять дурака». Отец поддержал сына в похвальном намерении примечательным письмом. «Послушай, Джон,— писал он,— я не хочу, чтобы

³ J. Burns. John Kennedy. A Political Profile. N. Y. 1960, p. 94.

⁴ A. Schlesinger. 1000 Days. John F. Kennedy in White House. Boston. 1965, p. 79.

⁵ «Boys's Story of John F. Kennedy». N. Y. 1961, p. 20.

ты считал меня занудой, ибо, да знают небеса, такой отец — худший отец. Я знаю людей и знаю, что у тебя достанет способностей пойти далеко. Разве ты не болван, отказываясь использовать дарованное тебе богом?.. В конце концов я даже не был бы твоим другом, если бы не требовал, чтобы ты до конца использовал свои способности. Трудно нагнать знания, упущенные в молодости, и поэтому я всегда требую — учись! Я не жду от тебя слишком многого и не буду разочарован, если ты не окажешься гением. Но я думаю, что ты способен быть достойным гражданином со здравыми суждениями, понимающим жизнь...» Джон вынул голоса отца, подтянулся и кончил школу 64-м из 112 учеников⁶. Он пламенно возненавидел Чоат, и это чувство с годами не притупилось. Когда президент Кеннеди узнал, что в школе вывешен его портрет, он недовольно заметил: «Самая двусмысленная и смешная церемония, о какой мне когда-либо довелось слышать».

Джо уже был в Англии — отец послал его в Лондонскую экономическую школу к апостолу лейборизма профессору Гарольду Ласки. Туда же, в «Мекку социалистических идей» по понятиям американской денежной элиты, предстояло отправиться Джону. Почему к Ласки? Джозеф Кеннеди объяснил: «Ласки — умница и чудак. Я не согласен ни с чем, что он пишет. Мы антиподы. Но я никогда не учил сыновей относиться плохо к кому-то только потому, что он мне не нравится. Они достаточно понаслышались от меня, и теперь для них настало время послушать умного и убежденного человека, придерживающегося противоположных взглядов». У Ласки Джо провел год. По мнению маститого профессора, разум молодого американца в конце обучения «только-только начал открывать радость мышления». В таком состоянии Джо уехал из Лондона, не преминув заверить Ласки, что он преисполнен решимости стать президентом США. Его место летом 1935 г. занял Джон. Учиться долго не пришлось. Жесткая желтуха прервала занятия. Он вернулся в США осенью 1936 г. и в родном Бостоне поступил в Гарвардский университет, где также учился Джо Старший брат, прозвездничав семестр, без видимого труда сдавал экзамены. Он занимал видное место в спортивной жизни университета. Джон безуспешно пытался угнаться за ним. В спорте неудача за неудачей: он был слаб. В довершение ко всему, упав во время футбольного состязания, Джон серьезно повредил позвоночник. Последствия удара сказывались всю жизнь. В науках — почти сквозные тройки, хотя он специализировался по излюбленной им истории. И самое поразительное — ничто не отвлекало его от занятий. Университет в те годы жил бурной жизнью. Студенты горячо обсуждали коммунизм и фашизм, спорили до хрипоты, устраивали демонстрации и ходили в пикеты. Самые отчаянные попадали в тюрьму за нарушение спокойствия. Сжигали, например, чучело Гитлера. Напряженная жизнь сокурсников проходила мимо Джона. Он читал. Был избран в редакцию влиятельной студенческой газеты «Кримсон». Стал членом нескольких привилегированных клубов. Друзья поражались, что его не захватывала никакая-нибудь одна идея. Сдержанный, вежливый, он одинаково хорошо ладил с разными людьми. Летом 1937 г. со своим другом Биллингсом Кеннеди объехал Францию, Испанию и Италию. Поездка на многое открыла ему глаза. Он писал из Европы: «95% американского народа почти ничего не знает об обстановке здесь. Например, большинство в США стоит за Франко, и, хотя я считаю, что для Испании победа Франко была бы лучше, ибо он укрепит и объединит страну, [законное] правительство в самом начале было право, приняв программу, сходную с «новым курсом». Из поездки он вынес твердое убеждение: нужно учиться, чтобы понять жизнь. На следующий год профессора удивленно пожимали плечами: троичник стал делать заметные успехи.

Отец считал, что пора вводить сыновей в политику. Он пристроил Джо на временную работу в американское посольство в Париже и посоветовал Джону взять отпуск на полгода, чтобы поездить по Европе. Джон ухватился за это предложение, обусловленное, однако, требованием посылать из всех стран подробные отчеты отцу в Лондон. С марта 1939 г. он колесит по Европе. Париж, Варшава, Данинг, Ленинград, Москва, Крым, Стамбул, Балканы, Ближний Восток, снова Париж и, наконец, Лондон. Советский Союз очень не понравился студенту. Его раздражали широкие улицы городов. В самолете, на котором он летел в СССР, было разбито окно, «никто из пассажиров не обращал на это внимания, — возмущался Джон, — а мне пришлось из-за сквозняка пересечь на пол». Кругозор Кеннеди был в то время крайне узким, а стандартное буржуазное мышление переполняло его с ног до головы. Из Берлина в самом конце августа Джон выехал в Лондон, где его застала вторая мировая война. Провожая сына на родину, посол порекомендовал взять темой дипломной работы Мюнхенское соглашение, самый дискуссионный вопрос в то время. Пападение Германии на Польшу и начало войны с ужасающей ясностью обнажили гибельность курса западных держав на сговор с агрессорами. Пока Н. Чемберлен оставался премьером Англии, в стране все чаще слышались упреки, что он своей близорукой сделкой с фашистскими главарями в Мюнхене навлек беду на Запад. Провал расчетов Н. Чемберлена был провалом и Дж. Кеннеди. Американский посол всецело разделял в канун войны внешнеполитическую доктрину английского правительства. Вскоре после Мюнхена Дж. Кеннеди публично заявил: «Я давным-давно считал, что демократическим и тоталитарным государствам невыгодно усиливать то, что их разделяет, подчеркивая разногласия между ними... Они должны с пользой сосредоточить свою энергию на разрешении

⁶ T. Sorensen. Kennedy. N. Y. 1965, p. 27.

общих проблем, пытаюсь установить добрые отношения»⁷. Начало войны не поколебало его убеждений; напротив, формальное объявление военных действий между Англией, Францией и Германией побудило посла с еще большей энергией выступить за примирение с агрессорами. Глубокой осенью 1939 г. во время пребывания в США он объяснил группе высших офицеров американских вооруженных сил, почему продолжение войны губительно: «Еще один год ее — и вся Европа будет подготовлена для коммунизма».

Джозеф П. Кеннеди всеми силами стремился к тому, чтобы сыновья походили на него. В 1940 г., когда двадцатипятилетний Джо и двадцатитрехлетний Джон впервые сделали самостоятельные шаги на политической арене, он мог быть удовлетворен. Его усилия не пропали даром: оба сына сделались пылкими защитниками убеждений отца. Из Лондона он непрестанно требовал от своего правительства: коль скоро не удалось примирить воюющих, США следует остаться в стороне от конфликта в Европе, но вооружиться до зубов. То была пламенная проповедь известных истин «изоляционизма», игравшего на руку фашистским диктаторам. Джо оказался среди самых оголтелых «изоляционистов», нападавших на правительство Рузвельта за его помощь Англии. Летом 1940 г. на съезде демократической партии он был в крошечной группе, выступившей против переизбрания Рузвельта президентом. В январе 1941 г. Джо открыто заявил, что США лучше вести торговлю с завоеванной Германиею Европой, чем быть союзником Англии. В Вашингтоне отлично знали, чьим сыном является эксцентричный молодой оратор.

Тем временем Джон трудился над своим дипломом о Мюнхене, просиживая днями в библиотеке. Из американского посольства в Лондоне ему прислали множество материалов. Было что анализировать и над чем думать. Два профессора консультировали молодого исследователя. Весной 1940 г. Джон завершил свою работу. Получилось 150 страниц (вместо обычных 70). «Диплом Кеннеди, — замечает его биограф Дж. Барнс, — был типичным студенческим произведением: возвышенный и педантичный стиль, избыток статистических материалов и сносок, встречались орфографические ошибки и неуклюже построенные фразы»⁸. Не в этом суть! В меру своих сил сын пытался воспроизвести политические взгляды отца. Автор настаивал, что за Мюнхен следует винить не Н. Чемберлена, С. Болдуина и других английских руководителей, а всю страну в целом и господствующую в ней систему — капитализм и демократию; капитуляция в Мюнхене была подготовлена тем, что капитализм «миролюбив», особенно по сравнению с тоталитаризмом; демократия не может быть воинственной, не став тоталитаризмом, ибо она «вынуждена расплачиваться за все из своего бюджета, который ограничен законами капитализма — спросом и предложением»; в результате в тоталитарном государстве можно достичь высшей степени мобилизации ресурсов, а Англия с ее порядками (погоней за прибылями и мирной жизнью) подрезала крылья своим лидерам, которым и пришлось уступить в Мюнхене фашистским главарям; они всего лишь инструмент народа, выступавшего против вооружения страны. В заключение автор выразил надежду, что демократия «окажется сильнее», и положительно оценил Мюнхен как выигрыш времени в подготовке к войне. Окончательных выводов в работе не делалось. Сын писал отцу: «Конечно, мне не хочется ясно становиться на чью-либо сторону».

Летом 1940 г. Джон с отличием защитил диплом и, следовательно, с отличием окончил Гарвардский университет. Из Лондона отец отметил успех сына телеграммой и чеком на изрядную сумму. «Приятно, что ты подумал об этом, теперь я платежеспособен», — ответил сын. Ему пришлось в голову попытаться опубликовать работу. Отец немедленно связался с ведущим публицистом страны Артуром Кроком, сотрудничавшим в «New York Times». Крок помог Джону переработать диплом, предложив интригующее название «Почему Англия спала?» (перефразировав название шумевшей книги У. Черчилля «Пока Англия спала», вышедшей незадолго перед этим). Отец потребовал, чтобы сын все же указал, что и лидеры виноваты, добавил выводы. Концовка книги («США необходимо вооружаться, сделать демократию работоспособной», и люди должны думать, что дать правительству, а не получить от него) была списана Джоном из большого письма отца. Предисловие к книге сочинил Г. Люс, миллионер, глава могущественного газетного концерна. «Если Джон Кеннеди, — писал Люс, — типичен для подрастающего поколения, а я думаю, что это именно так, тогда многие из нас были бы счастливы немедленно вручить судьбы нашей республики в руки его поколения». Так аттестовал молодого автора старый газетный волк, тот самый Г. Люс, который в собственной книге «Век Америки», вышедшей почти одновременно с книжкой Дж. Кеннеди, требовал установления американского господства над миром. Книга Джона, увидевшая свет в дни «битвы за Англию», получила значительную известность. Было продано 40 тыс. экземпляров в США и столько же в Англии. Торжествующий отец послал по экземпляру королеве, Черчиллю и Ласки. В США «Почему Англия спала?» зачислили в ряды бестселлеров. Джон получил 40 тыс. долл. гонорара⁹. Это были деньги. Он обзавелся «бьюнком», приобретенным на собственные средства. Публицистика оказалась прибыльным занятием. Двадцатитрехлетний автор с улыбкой

⁷ T. L. a. n. e. The Leadership of President Kennedy. N. Y. 1964, p. 10.

⁸ J. B. u. r. n. s. Op. cit., p. 54.

⁹ R. W. h. a. l. e. n. Op. cit., p. 38.

сравнивал доходность писательского ремесла с доходами от биржевой игры — весной 1940 г. он с громадным трудом и хитроумными маневрами заработал осторожными спекуляциями акциями авиационных компаний двести долларов.

Посол Кеннеди по-прежнему убеждал правительство, что в Европе в результате войны воцарится коммунизм. Будучи свидетелем «блиц» люфтваффе против Лондона, он сделал вывод, что с Англией покончено и любая американская помощь бесполезна. Он не скрывал, что сделает все, дабы удержать США от вступления в войну, обещая сговориться с Херстом о проведении нужной кампании в Америке. Для англичан Кеннеди стал символом поражения, для Вашингтона — крайне неудобной фигурой. В декабре 1940 г. он был вынужден уйти в отставку.

По окончании университета Джон твердо заявил родителям, что ему надоело быть тенью старшего брата и он не пойдет в юридическую школу Гарвардского университета, где уже был Джо. Он решил, как и отец, стать бизнесменом, а навыки почтенной профессии получить в Стэнфордском университете, в Калифорнии. Осенью 1940 г. он уехал туда. Теперь братьев разделял американский континент. Учеба в Стэнфорде скоро наскучила, и Джон бросил ее, отправившись путешествовать по Латинской Америке. Весной 1941 г. он вернулся домой и узнал, что Джо пошел добровольцем в летное училище морской авиации. Джон поспешил на ближайший вербовочный пункт (разумеется, не авиации, а армии). Но то, что было легко Джо, как обычно, оказалось трудным младшему брату. Из-за поврежденного позвоночника его отвергли. Тогда он стал упорно тренироваться. Через пять месяцев Джон предстал перед комиссией, набравшей добровольцев во флот. Прошел. Старшие офицеры рассудили, что образованный молодой человек принесет наибольшую пользу в разведке, и засадили его за канцелярскую работу. 7 декабря 1941 г. США вступили в войну. Джозеф Кеннеди послал президенту телеграмму: «Прошу на фронт, готов служить под вашим командованием». Правительство не отозвалось, ему не дали никакого поста. Но связи отца оказались достаточными, чтобы вытащить Джона из канцелярии. Он прошел шестимесячные курсы штурманов торпедных катеров. Учиться было легко: сказались навыки опытного яхтсмена. Вместо отправки на фронт его сделали инструктором в той же школе. Только в начале 1943 г. Джон был направлен на театр военных действий, в юго-восточную часть Тихого океана. Там после овладения о. Гуадалканал началось крупное наступление. Для американцев сражения, происходившие в районе Новой Гвинеи, казались необычайно важными: они «затмевали» вялые боевые действия войск США в Африке; 12 апреля 1943 г. свинцово-серый военный транспорт с пополнением вошел в воды Гуадалканала. Позади был месяц пути из Сан-Франциско. Опершись на поручни, младший лейтенант Кеннеди жадно вглядывался в берега: корабль прибыл к Соломоновым островам где недавно происходили ожесточенные схватки. Место назначения Кеннеди — остров Тулаги, база легких сил. На холме, господствующем над гаванью острова, исполинская вывеска, далеко видная с моря: «Убивай японцев! Убивай японцев! Убивай побольше японцев! Ты сможешь желтых ублюдков истребить, если будешь дело бдить!» Призыв сочинил сам американский командующий в этом районе, престарелый адмирал У. Хэлси. Флотовец расстарался водрузить его выше и на том счел воспитательную работу законченной. Остальное зависело от изобретательности младших офицеров. На арке, сооруженной над узким каналом, надпись: «Под этим порталом проходит лучшая флотилия торпедных катеров в мире». Кеннеди пожал плечами. Несколько грязных хингин, проржавевшие рельсы старой узкоколейки, грузовой транспорт; вплотную к берегу стоят ободранные торпедные катера, едва видные под ветвями пышных тропических кустов... База! Здесь с предостояло служить.

26 апреля лейтенант Кеннеди вступил в командование торпедным катером, принадлежавшим к «лучшей в мире» флотилии. 25-метровое деревянное суденышко имело четыре торпедных аппарата и пулеметы. «РТ-109» уже девять месяцев нес службу в тропиках в руках безалаберного экипажа. Грязный до изумления, кишущий крысами и тараканами, запущенный катер встретил юного командира устрашающим зловонием. Пришлось для начала поставить «РТ-109» в сухой док и основательно отремонтировать катер силами экипажа, включая и командира. Первый тренировочный выход в море сошел благополучно, но при входе в базу внезапный грохот спаренных пулеметов на носу «РТ-109» вызвал повальную панику. Моряки поспешно укрывались: налет японцев! Так же внезапно стрельба прекратилась, и тогда база услышала срывающийся от бешенства голос Кеннеди: он осыпал бранью пулеметчика, случайно приведшего оружие в действие и не сумевшего прекратить огонь, пока не иссякли патроны в магазинах. Начались боевые будни. «РТ-109» нес патрульную службу. В мае — пять выходов в море. Полный перечень происшествий, занесенных в судовый журнал рукой Кеннеди: «8 мая, 18.20. Вышли в море из Сесапи вместе с «РТ-59» для патрулирования района от о-вов Сава до мыса Эсперанс. Видимость равна нулю. 13 мая, 0.45. Повторные вспышки, вероятно, перестрелка в районе о-вов Рассел. 17 мая, 0.40. Видели белый свет в центре о-вов Сава. 21 мая. Выпустили десять очередей из пулемета по плавающим бочкам из-под горячего. 23 мая, 5.30. Вышли из района патрулирования, направляясь к Сесапи. 5.40. Видны вспышки от стрельбы зениток; по-видимому, наши. 21.30. Увидели красный огонь на поверхности воды, 30° по курсу, расстояние четыре мили. Обследовали место. Ничего не обнаружили»¹⁰.

¹⁰ D. Donovan. RT-109. John F. Kennedy in World War II. N. Y. 1964, pp. 32—33.

Моряки с торпедных катеров расквартировались на берегу кто как мог; Кеннеди с двумя приятелями приспособили под жилье туземную хижину. Загорелый до черноты, с неизменным ножом на ремне, Кеннеди быстро приобрел вид ветерана. Он обычно ходил голый по пояс, и только лихо заломленная форменная фуражка выдавала в нем офицера. Экипаж полюбил его. Он смотрел сквозь пальцы на проделки подчиненных, «организовывавших» для себя спиртные напитки. Иногда им удавалось стащить ящик-другой пива; как-то они украли канистру с жидкостью для торпед. Поскольку моряки с «РТ-109» были не одни, экипажи других катеров также приняли участие в расхищении канистр с указанной воделенной влагой, и на базе провели поголовный обыск. Разумеется, ничего не нашли, а когда опасность миновала, в трюме «РТ-109» заработал примитивный самогонный аппарат. Прохаживаясь по палубе катера, пропитанного едким запахом сивухи, возгоравшейся из торпедной жидкости, Кеннеди делал вид, что поглощен высокой стратегией войны. Среди офицеров Кеннеди прослыл человеком образованным. В его хижине на видном месте лежала единственная книга — «Война и мир» Л. Н. Толстого, которую хозяин постоянно почитывал. В спорах младший лейтенант высказывал весьма взвешенные суждения. Как-то среди офицеров разнесся слух, что Соединенные Штаты оплатят Австралии стоимость плантаций, уничтоженных американцами на Соломоновых островах. Офицеры нашли самую эту мысль чудовищной. Кеннеди, однако, обратил их внимание на то, что плантации — частная собственность; следовательно, стремление владельцев получить компенсацию за ущерб совершенно законно. Боевые друзья уже знали, кто отец командира «РТ-109», и не углублялись в спор. Так они и стали воевать, тринадцать моряков на катере. Больших стычек с врагом не случилось, но мелких происшествий на борту катера было хоть отбавляй. Однажды в боевом походе ночью Кеннеди передал приказ в машинное отделение. Никакого результата. Оставив штурвал и громадную тарелку с мороженым (обычное лакомство командира на вахте), Кеннеди бросился вниз. Все трое механиков мирно спали. В другой раз оглушительный в маленькой каюте катера выстрел поставил на ноги всю команду: моряк, чистивший оружие, едва не убил своего товарища.

Летом 1943 г. соединения адмирала Хэлси начали наступление, отвоевывая у японцев острова. За продвигавшимися частями на передовые позиции перебазировались и торпедные катера, пока они не оказались на острове Рендова, увенчанном высокой горой. Ночная патрульная служба на передовых рубежах становилась все опаснее. Как-то перед рассветом над катером вспыхнула осветительная бомба. В ответ бешено заработал 20-миллиметровый зенитный автомат; заводчик старательно пытался поразить самолет. Обозленный американский пилот по радио пригрозил расправиться с катером. Кеннеди остановил огонь. Такие случаи повторялись еще и еще: либо катер бомбили свои самолеты, либо с него их обстреливали. 19 июля «РТ-109» получил боевое крещение: японский самолет подражал незамеченным и сбросил поблизости пару бомб, «Осколки бомб, сделанных из ручек автомашин «форд», лезвий бритв, водопроводных кранов и другого железного лома, который Япония импортировала из США в течение многих лет перед войной, пронизали катер и его оснастку от носа до кормы», — замечает один из биографов Кеннеди¹¹. Трое моряков было ранено, командира спасло бронированное ограждение вокруг мостика.

День 1 августа начался на базе хлопотливо. Экипаж «РТ-109» был занят повышением боевой мощи корабля. Кеннеди раздобыл 37-миллиметровое орудие и вместе с командой ломал голову, как получить укрепить его на палубе. В этот момент два десятка японских самолетов неожиданно напали на стоянку катеров. Их приняли за своих, и они не встретили в начале атаки сопротивления. Японцам удалось разбить несколько судов. Пришедшая по пятам за дерзким налетом шифровка открыла глаза командиру соединения. Его извещали, что предстоящей ночью через пролив Блекетта, что в сорока милях от базы, пройдет японский «экспресс» — несколько вражеских эсминцев из Рабаула с подкреплением для гарнизонов на соседних островах. Легким силам американцев надлежало не допустить прорыва противника. Пятнадцать исправных катеров базы, включая «РТ-109», получили задание перехватить «экспресс». Они были разделены на четыре дивизиона — по числу катеров, имевших радарные установки. В быстро сгущавшихся тропических сумерках соединение покидало базу. В трубах аппаратов маслянисто светились торпеды, грозно сверкали стволы зенитных автоматов, покачивались антенны. Молчаливые горбатые фигуры моряков в спасательных жилетах и касках... «РТ-109» был вооружен до отказа, дополнительное орудие привязали веревками. То был тридцать первый боевой выход Кеннеди в море. Набирая ход, торпедные катера быстро исчезли.

В 21.30 катера заняли боевые позиции и на приглушенных моторах попарно патрулировали пролив. Вскоре один из катеров, имевший радар, обнаружил противника. Полагая, что это были самоходные баржи, катер ринулся в атаку и оказался под огнем четырех эсминцев, составлявших «экспресс». Командир выпустил все четыре торпеды, промахнулся и отошел. Хуже всего было то, что он ни о чем не известил своих товарищей. Японские эсминцы черными призраками скользили по проливу. Обнаружив их, очередной катер выходил в очередную безрезультатную атаку и, выполнив долг, ложился на обратный курс. Так развернулась, по словам автора трехтомной официальной истории действий торпедных катеров флота США в минувшую войну,

¹¹ Ibid., p. 61.

«самая малоэффективная операция торпедных катеров... Их основная ошибка заключалась в том, что они ни о чем не информировали друг друга. Каждый атаковал в одиночку, оставляя на долю остальных самим находить врага»¹². Всего катера соединения израсходовали тридцать торпед, но «экспресс», не получив никаких повреждений, успешно достиг места назначения, выгрузил войска и повернул назад.

«РТ-109» пока не встретил врага. В крошечной темноте Кеннеди со своим напарником «РТ-162» продолжали патрулирование. Они видели вспышки выстрелов огрызавшихся огнем японских эсминцев, но приняли их за стрельбу береговых батарей. Глубокой ночью к ним присоединился еще один катер, «РТ-169», потерявший свой дивизион. Втроем стало веселее. Запросили базу, откуда последовал категорический приказ продолжать боевую работу. Катера в строю клина, имея во главе «РТ-109», бороздили пролив. Не было слышно обычного рева моторов, шли на малых оборотах. Командиры на мостиках не подозревали, что с каждой секундой они приближаются к «экспрессу». Японские эсминцы, выполнив задание, торопились покинуть опасные воды. Они неслись почти встречным курсом со скоростью 30 узлов. Внезапно на «РТ-109» раздался испуганный возглас матроса у носового пулемета: «Корабль!» Почти сразу же, примерно в восьмистах метрах, Кеннеди и командиры двух других катеров увидели темный силуэт. Несколько мгновений они вглядывались в мрак, полагая, что навстречу идет свой катер. Но корабль угрожающе рос в темноте. На мостике «Амагири», эсминца японского императорского флота, капитан Ханами оценил обстановку быстрее. Расстояние до катера сокращалось так быстро, что его нельзя было обстрелять: суденышко попало в мертвую зону. Ханами приказал идти на таран. Дальнейшее отняло не более сорока секунд. Кеннеди одновременно скомандовал полный ход, попытался занять позицию для торпедного залпа (хотя на таком небольшом расстоянии торпеды не взорвались бы) и объявил боевую тревогу. «Она давно объявлена», — донесся голос торпедиста с правого борта. Пока Кеннеди вращал штурвал, а эсmineц неумолимо нависал над катером, на палубе «РТ-109» суматоха нарастала. Слышался лязг металла, матрос заряжал 37-миллиметровое орудие. Не в состоянии оторвать глаз от эсминца, он не видел, что бьет снарядом в закрытый затвор. Радист на мостике рядом с Кеннеди схватился руками за амулет, который он носил на груди в боевых походах, и громко начал: «Дева Мария, зачавшая без греха, молись за нас...» Оглушительный треск покрыл слова молитвы. «Амагири» протаранил катер почти в центре. Страшный удар вырвал штурвал из рук Кеннеди и отбросил его назад. Он ударился спиной об ограждение мостика. Слепящая боль, а перед глазами, всего в двух метрах, прошел и исчез чудовищно высокий борт эсминца. Мелькнула мысль: «Так вот как погибают!» Деревянный катер был разрезан почти точно посередине. Ослепительно вспыхнул бензин, разлившийся по поверхности воды из разбитых баков. С «Амагири» пустили пару снарядов в направлении громадного костра, полыхавшего на месте катера, но промахнулись. В критические для «РТ-109» моменты «РТ-162» попытался атаковать эсmineц еще до тарана, но торпеды не вышли из аппаратов, и катер отошел. «РТ-169» выпустил две торпеды по «Амагири», не попал и также ретировался. Командиры катеров решили, что экипаж «РТ-109» погиб в пламени, а поскольку, как выяснилось, в проливе Блекетта кишат японские эсминцы, сочли за благо побыстрее вернуться на базу. Катера сразу набрали полный ход и яркий огонь, освещавший место гибели «РТ-109», скоро исчез за кормой.

Из тринадцати человек экипажа погибли только двое. Одиннадцать человек собрались на части катера, оставшейся на плаву. Сначала ожидали помощи, а когда она не пришла, стали держать совет. Скоро рассвет, потерпевших бедствие заметят японцы с соседних островов. Что тогда? Дискуссию открыл Кеннеди: «В уставах не предусмотрено наше положение. Похоже, мы больше не воинское подразделение. Многие из вас имеют семьи, а некоторые — детей. Что вы хотите делать? Мне терять нечего». Поспорили и сошлись на том, что смерть не принесет никакой пользы никому. Решили, если японцы обнаружат их, сдать в плен. Настал день. Поблизости никого. Моряки проклинали войну и торпедные катера, которые не спасли их; предали проклятию и свою авиацию: ни одного самолета! А обломки катера тем временем все глубже погружались в воду. Тогда Кеннеди предложил плыть к островку, видневшемуся в пяти с небольшим километрах. Сильно обожженного механика (при катастрофе он всплыл в пылающем бензине) Кеннеди тащил за собой, держа в зубах тесемки от его спасательного жилета. Остальные девять человек плыли за ним, вцепившись в бревно. К вечеру достигли необитаемого острова, пробыв в воде пятнадцать часов, а когда наступила ночь, Кеннеди вновь бросился в воду и поплыл к середине пролива, надеясь привлечь внимание торпедных катеров, обычно шедших на патрулирование этим путем. Он смертельно устал и даже перестал думать об акулах и барракудах, кишащих в этих водах. Но двенадцатичасовое дежурство оказалось напрасным: катера не появлялись. Утром, с воспаленными глазами, изрезанными ногами и руками, Кеннеди предстал перед товарищами и без сил рухнул на песок. Отлежался, а на следующий день заставил товарищей переплыть на соседний островок, где виднелись кокосовые пальмы. Их орехами и стали питаться. Так прошло несколько дней. Они ежечасно вглядывались в сторону Рендовы: гора, хотя до нее было более пятидесяти километров, казалась об-

¹² R. Bulkley. A History of Motor Torpedo Boats in the US Navy. Vol. 2. Washington. 1955, p. 781.

манчиво близкой. Перед рядовыми Кеннеди бодрился, но когда оставался с двумя офицерами из команды, отчаянно ругался: «Ротозей, не могут спасти нас!» Многие утратили всякую надежду. 5 августа на обрванных и истощенных американцев натолкнулись двое туземцев, проплывавших в пироге. Кеннеди знаками объяснился с ними. Насколько он понял, местные жители служили разведчиками союзников. Кое-как он растолковал им, что нужно полплыть к Рендове и передать послание. На кокосовом орехе он вырезал ножом: «Туземцы знают место. 11 в живых. Кеннеди»¹³. Еще два дня треволнений, и 8 августа торпедный катер привез спасенных на Рендову.

Кеннеди получил сразу две награды: орден «Пурпурное сердце», медаль флота и морской пехоты, был произведен в лейтенанты. Хотя Джон никогда не считал себя героем, история с «РТ-109» в последующие годы умело использовалась, разумеется, для создания ему популярности. Его недоброжелатели всегда жалели, почему не было проведено следствие по поводу потери капитаном корабля; много чаще его спрашивали, как стать героем. Джон отвечал коротко: «Произошло это не по моему желанию. Взяти и потопили мой корабль». Травма в позвоночнике и малярия сильно мучили его, однако он решил продолжать службу. Прозвище «Спичка» как нельзя лучше характеризовало облик лейтенанта, вступившего 7 октября в командование катером «РТ-59», — тощий, с ввалившимися глазами. Он резко изменился, приобрел осмотрительность и навыки командира. Во всяком случае, когда экипаж разглядел на маленьком островке, мимо которого систематически проходил катер, солдатскую убогую, сооруженную японцами над водой, и умолял о разрешении обстрелять эту цель, Кеннеди отказал. Просьба и отказ приобрели хронический характер. В один из последних боевых походов, пишет Д. Donovan, «экипаж, как обычно, обратился с просьбой принять надлежащие военные меры против сооружения. На этот раз прежние аргументы показались командиру менее убедительными. По радио он получил разрешение командования произвести обстрел. Прозвучала команда «Огонь!», и последние остатки империи Хирохито в дыму разлетелись на берегу»¹⁴. 18 ноября 1943 г. лейтенант Кеннеди по болезни был списан с флота. Он вернулся в США, где лег в госпиталь и перенес мучительную операцию на позвоночнике. В постели он пробыл большую часть 1944 года. В госпитале его застигла печальная весть: 12 августа погиб его старший брат Джозеф, служивший в военно-воздушных силах в Англии. Джозеф вызвался поднять в воздух бомбардировщик, начиненный взрывчаткой, который затем, управляемый по радио, должен был обрушиться на базу немецких подводных лодок в Бельгии. Сильная немецкая ПВО исключала возможность обычного налета. Предполагалось, что, взлетев с аэродрома и положив самолет на курс, Джо выбросится с парашютом. Что-то не сработало, и бомбардировщик, имевший на борту 11 тонн бомб, взорвался в воздухе. Хоронить было некого, осталась только память. Джон написал в память о брате небольшую книжку «Джо, такой, каким мы помним его», изданную ограниченным тиражом, а в составе флота США появился новый эсминец «Джозеф П. Кеннеди-младший». Девятнадцатилетний Роберт ушел из офицерского училища и пошел служить матросом первой статьи на корабль.

Еще Э.-М. Ремарк по-своему глубоко проник в психологию молодого человека, обожженного войной. Переход к мирной жизни мучительно труден. Тени ушедших окружают выжившего, и мертвые хватают живых. Записные книжки Джона за 1945 г. пестрели заметками о смерти. Вот — о гибели Раймонда Асквита в 1915 г. (цитата из книги У. Черчилля «Великие современники»): «Война, сломившая множество людей, не могла ничего поделать с ним. И когда в реве и грохоте битвы на Сомме он пошел навстречу своей судьбе, то был он спокоен, горд, решителен и, в сущности, весел... Вырезки из газет о смерти Джо... Письмо-рассказ его сестры Кэтлин о смерти мужа, погибшего во Франции в 1944 году... Выписка из другой любимой книги (Бьюкенен «Путь пилигрима»): «Он любил свою юность и остался юн навсегда. Любящий жизнь, блестящий и смелый, теперь он — часть бессмертной Англии, не знающей ни старости, ни усталости, ни поражений»¹⁵.

Шли годы. Жена утверждала: «Горечь смерти молодым всю жизнь преследовала его». В 1945 г. Гарвардский университет разослал бывшим выпускникам анкету с просьбой ответить на ряд вопросов. В конце анкеты Джон приписал: «Я смотрю пессимистически на будущее нашей страны».

После 1945 г. Джон Кеннеди в течение полугода работал у Херста, побывал на конференции в Сан-Франциско и съездил в Лондон, где был свидетелем послевоенного низвержения своего кумира У. Черчилля вместе со всей партией консерваторов. Отец был недоволен избранным им путем. Джон пожаловался другу-журналисту: «Все это выглядело, как будто меня призвали. Мой отец хотел, чтобы старший сын был политиком. «Призвали», пожалуй, не то слово. Он потребовал. Ты же знаешь отца». Позднее политик по принуждению объяснял: «Я вступил в политику только потому, что умер Джо, и если со мной что-нибудь произойдет, брат Бобби займет мое место в сенате. А если и Бобби умрет, Тедди встанет на пост»¹⁶. Отец никогда не скрывал

¹³ Этот кокосовый орех в изящной оправе впоследствии красовался на столе президента США Дж. Ф. Кеннеди.

¹⁴ D. Donovan. Op. cit., p. 151.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ «The Kennedy's Years», p. 29.

своей роли. В 1957 г. он хвастливо сообщил печати: «Я ввел Джона в политику. Только я один. Я сказал ему, что Джо умер, и теперь на нем лежит ответственность быть избранным в конгресс. Он не хотел. Он считал, что неспособен к политике, и все еще так думает. А я сказал: ты должен». Деваться было некуда. Отец решил и где выставить кандидатуру: оказался вакантным 11-й избирательный округ в штате Массачусетс, включавший восточный Бостон. Там в свое время начинал политическую карьеру дед — Пат Кеннеди, умерший в 1929 году. 89-летний Фицджеральд еще был жив — практически единственный местный житель, которого знал Джон.

Джозеф Кеннеди послал сына в Бостон. Вскоре он сам появился следом за ним и снял роскошный многокомнатный номер в отеле «Ритц-Карлтон». Он взял в руки негласное руководство избирательной кампанией Джона в палату представителей конгресса США. Пронесся слух, будто Джозеф заявил, что с теми деньгами, которые он тратит, можно избрать в конгресс даже собственного шофера. Политическим наставником к сыну Джозеф приставил родственника, опытного политика Д. Кейна. Первый совет кандидату: «В политике, — поучал Кейн, — нет друзей, есть только сообщники... Политика подобна войне. Нужны три вещи, чтобы победить: деньги, деньги и еще раз деньги»¹⁷. Джон оказался покорным учеником, а затем началось и кампания. Предстояли первичные выборы с участием 10 кандидатов. Как водится в США, никто не собирался посвящать избирателей в то, какую политику будет проводить их избранник. Им просто внушалось, что молодой герой, вернувшийся с войны, просит разрешить ему послужить своей стране. Задача — создать чарующий образ юного политика. Двадцативосьмилетний Джон был просто трогателем. Тощая мальчишеская шея, непокорные вихры. Истощенный, желтый от лекарств, застенчивый, непрерывно улыбающийся. Очень интеллигентный, окруженный друзьями, милыми молодыми людьми. Они учились с ним или служили вместе на флоте, и вот теперь приехали все, чтобы «помочь Джону». Говорят, что миллионеры — люди высокомерные, судачили бostonцы, однако эти «преlestные девочки Кеннеди», три сестры Джона, ходят по квартирам и, приветливо улыбаясь, раздают агитационные брошюры. Наконец, сам кандидат. По четырнадцать часов в день на ногах из конца в конец он обходит округ, населенный преимущественно беднотой. Он карабкается по крутым лестницам, заглядывает в мрачные трущобы, даря их обитателей солнечной улыбкой. Своим спутникам кандидат доверительно говорит: «Я никогда не думал, что в одной грязной комнате могут стоять рядом газовая плита и туалет». Он часто горестно вздыхал: «Пришлось надеть сапоги Джо. Если бы только он был жив, мне никогда бы не довелось заниматься этим». Вечеринки в домах избирателей; приятные молодые люди доставляли еду, кофе, цветы. Тщательно составленное расписание позволяло Джону посетить за вечер десяток таких собраний. Все было очень и очень мило. На первый взгляд трудились любители. Только почему-то чуть ли не все автобусы в Бостоне облеплены плакатами, призывающими отдать голос за Джона Кеннеди. Радио надрывалось, превознося его достоинства, а на улицах было полно агитационных машин. В общем, заметил очевидец, «видели Кеннеди, слышали Кеннеди, ели с Кеннеди, пили с Кеннеди, засыпали с Кеннеди, Кеннеди говорил, и мы говорили весь день о Кеннеди». Иначе и быть не могло. Сын с толпой политиков-любителей нарушал покой и искал сердца избирателей, а номер отца в отеле заполняли другие люди. Положив ноги на стол, не снимая шляп и дымя сигарами, профессиональные политики разрабатывали избирательную стратегию. Они нашли, что парень толковый. Смущается, но говорить может, только несносный интеллигентский акцент. Ничего, обомнется. Противники не смогли выдержать могучего натиска денег кандидата и энергии его друзей. В истории президентства Кеннеди, выпущенной «New York Times», сказано: «Сколько стоила эта кампания, сказать нельзя, как и в отношении всех других избирательных кампаний Кеннеди. При честолюбии и возможностях его отца деньги можно было беззаботно бросать на ветер». Печать сообщала: по самым скромным подсчетам, истрачено 250 тыс. долларов¹⁸. Противникам оставалось только отругиваться, обзывать Джона «маленьким бедным богачом», «проходимцем» и награждать другими малолестными эпитетами. Джон страдал и физически. Все время на ногах, а корсет, оберегающий большой позвоночник, врзается в тело. Единственное утешение — ожидание горячей ванны вечером; но наступает утро — и снова нужно работать.

Он победил. Собрал на первичных летних выборах 42% поданных голосов. Выборы в конгресс в ноябре 1946 г. подтвердили успех. Сразу же после выборов Дж. Кеннеди так объяснил причину своей победы: «В политике своевременность — почти все. На выборах я был единственным кандидатом — участником войны, и если бы мой брат Джо не был убит, то конгрессменом оказался бы он»¹⁹.

Отныне Джон Кеннеди сидел на надежном месте в конгрессе. Он опирался на округ, где победа на очередных выборах была обеспечена. Здесь Кеннеди переизбирался еще два раза — в 1948 и 1950 годах. Популярность конгрессмена подкреплялась широким патронажем — содействием в получении выгодных мест. Он выяснил и другую истину: партия значила мало, нужна личная организация. «Я и есть вся демо-

¹⁷ T. Lane. Op. cit., p. 12.

¹⁸ «The Kennedy's Years», p. 71.

¹⁹ «Boys's Story of John F. Kennedy», p. 98.

кратическая партия в моем избирательном округе», — говаривал Джон Ф. Кеннеди²⁰. «Как вам нравится, — шутивно-серьезно возмущался конгрессмен Дж. Кеннеди, открывая дверь своей канцелярии, — в лифте мне только что приказали: парень, четвертый этаж!» Двадцатидевятилетний Джон мало походил на избранников нации, свивших гнездо в Капитолии. Он выглядел мальчишкой, много моложе своих немногих лет. Небрежно одетый, иной раз с дурно повязанным галстуком, в мягких брюках хаки — зеленый студент, из чистого любопытства бродящий в лабиринте величественного здания высшего законодательного органа республики. Джон не стремился исправить впечатление. Его чисто случайно выбрали в комитет палаты представителей по вопросам труда и просвещения. Некий посевший под сводами Капитолия лоббист на заседаниях комитета неизменно обращался к конгрессмену — «барышня!». Кеннеди не обращал внимания. Ему ничего не стоило сбежать с серьезного обсуждения на ближайшую футбольную площадку гонять мяч с кучей подростков. Несерьезная серьезность. Много позднее крупный политик Дж. Кеннеди признался: «Там, в палате представителей, все мы были червями, в масштабах страны на нас почти не обращали внимания», — а затеряться среди 435 депутатов было не мудрено. Оценка эта точно измеряет размах усилий представителя от 11-го округа штата Массачусетс. В один из дней, когда он зашел на заседание, он высказался против антирабочего билля Тафта — Хартли. Введение закона, предупредил он, «вызовет реакцию слева», что может уничтожить существующую систему предпринимательства. Закон прошел. Кеннеди получил признание — популярность профсоюзных боссов. В острых дебатах по жилищному строительству Кеннеди крепко выругал «Американский легион», требовавший исключительных льгот для ветеранов. «Руководство Американского легиона, — говорил он, — выдало для блага страны ни одной конструктивной идеи с 1918 года». Вместе с малоизвестным тогда сенатором Дж. Маккарти он донес святую истину до сознания миллионов через национальную радиосеть.

Кеннеди целиком поддерживал внешнеполитический курс администрации Трумэна — Ачесона до 1949 года. Когда обнаружился провал американской политики в Китае, он потребовал решительных мер. «То, что наша молодежь спасла на полях сражений, наши дипломаты и президент расточили», — причитал Кеннеди. Он предложил: «Теперь конгресс должен взять на себя ответственность с тем, чтобы нарастающая волна коммунизма не поглотила всю Азию»²¹. Но и без советов молодого человека Вашингтон развязал агрессию в Корее. Туда были направлены крупные контингенты американских войск. «Я думаю, что теперь нас ждет громадная катастрофа в Европе», — высказывался Кеннеди в августе 1950 года. Он потребовал усилить американские войска в Европе, соблюдая, однако, пропорцию: на одну дивизию из США — шесть дивизий их союзников. В принципе он был против увеличения расходов на американскую помощь за рубежом. В декабре 1950 г. Джозеф П. Кеннеди разразился громовой речью. Назвав политику Трумэна «самоубийственной», он заявил, что США напрасно расточают средства, помогая своим союзникам: «Что мы выиграли, оставаясь в Берлине? Все знают, что русские могут вышвырнуть нас, когда захотят. Не лучше ли убраться сейчас?» Или: «Глупо говорить об удержании линии на Эльбе или Рейне. Не лучше ли уйти оттуда сейчас? Дело в том, что, если Россия сочтет нужным начать наступление, мы можем удержать ее только на нашей стороне Атлантики. Быть может, Европе на десять лет на поколение или больше суждено стать коммунистической». Потрясенный конгресс захотел узнать отношение сына к речи отца. Через два месяца Джона вызвали в сенатский комитет по иностранным отношениям. Старик сенатор У. Джордж, со старомодной учтивостью воздав должное «выдающейся семье», спросил, не совпадают ли взгляды конгрессмена с мнением отца. Зал замер в ожидании. Джон ответил очень туманно, но все же высказался за то, что американские войска должны находиться за морями. «Так считаю я, — заключил он. — Что до мнения отца, то обратитесь прямо к нему».

По всей вероятности, к началу пятидесятых годов отец и сын стали по-разному смотреть на ряд вопросов. Джозеф не усматривал в этом ничего предосудительного: сыну на месте виднее. Но в одном отношении «железное единство» никогда не нарушалось: только вверх по политической лестнице, а если нужно — перепрыгивая через ступеньки. Главной отличительной чертой Дж. Кеннеди как конгрессмена было все же его отсутствие на заседаниях. На пустяки просто не хватало времени, и казалось опасным погрязнуть в болоте межпартийных распрей. Кем быть? Губернатором штата? Джон скорчил гримасу, проходя мимо дворца губернатора штата Массачусетс. «Я не могу представить себя в этой дыре выносящим решения по делам золотарей»²². Не быть вторым — в этом он проявлял похвальное постоянство. В 1958 г. известного уже сенатора Дж. Кеннеди спросили, не пожелает ли он выдвинуть свою кандидатуру на пост вице-президента в 1960 году? Молниеносный ответ: «Хватит болтать о пороках. Я против всех и всяческих пороков» (игра слов: по-английски vice — порок). Наиболее перспективный путь, рассудили отец с сыном в конце сороковых годов, — стать сенатором. Помыслы о том, как достичь желанного кресла, поглощали все силы и время. И не мудрено: избрание в сенат зависит от избирателей всего штата. Как склонить их

²⁰ J. Burns. Op. cit., p. 79.

²¹ Ibid., p. 89.

²² A. Schlesinger. Op. cit., pp. 81, 99.

на свою сторону? Кеннеди соглашался с мнением известного американского публициста Ф. Кейта: «Бизнес получения голосов — практическое дело; вопросы морали, правоты или неправоты не имеют к нему никакого отношения»²³. Можно манкировать обязанностями в конгрессе, но недопустимо портить отношения с избирателями. Если для лидеров конгресса депутат Дж. Кеннеди был почти неуловим, то для избирателей 11-го округа штата Массачусетс легкодоступен. Джон с готовностью откликнулся на их просьбы. С начала 1949 г. конгрессмен зачастую в штат Массачусетс. На протяжении трех лет почти каждый четверг вечером Джон вылетал из Вашингтона в Бостон и возвращался в столицу к вечеру в понедельник. В Бостоне он садился в машину и колесил по штату, выступая везде, где удавалось вырвать приглашение, или в крайнем случае — без него. Школы, заводы, рыбацкие поселки, женские клубы, собрания ветеранов. Кеннеди говорил, говорил, говорил. По минимальным подсчетам, за три года он пожал 750 тысяч рук и перебросился несколькими фразами с миллионом людей. Он побывал во всех 331 городе и поселке Массачусетса. Кеннеди не открывал америк перед потомками тех, кто первым поселился в Америке. Оратор доходчиво беседовал о местных делах, необходимости экономии в федеральном правительстве, социальном обеспечении. Он добивался, в сущности, немногого. Зеваки, а они по большей части составляли аудиторию, должны были хотя бы запомнить фамилию Кеннеди. Слушатели, принимавшие его всерьез и пытавшиеся рассудительными беседами задержать летучего конгрессмена, приводили Джона в бешенство. Кое-как освободив пуговицу или лацкан пиджака, ослепительно улыбавшийся Кеннеди спасался в машине. Брань в адрес очередного благонамеренного простака слышали только шофер и сопровождающие лица. Затеяливые словосочетания (память о военных месяцах) скрашивали в высшей степени стандартные поездки. В 1951 г. Кеннеди познакомился с Жаклин Бувье. В редкие встречи, выпадавшие между поездками по штату, она видела Джона по большей части на костылях. «Но он терпеть не мог появляться среди людей на костылях, — вспоминал его знакомый. — Когда мы подходили к дверям зала, где ему предстояло выступать, он вручал костыли одному из нас и, развернув плечи, шел к трибуне, как кадет Вест-Пойнта на строевых занятиях. Как ему удавалось это, я не знаю».

Сенатор Генри Кэбот Лодж происходил из семьи коренных бостонцев. Он представлял в сенате штат с 1936 г., за исключением двух лет, отданных фронту. В 1952 г. Лодж принадлежал к ближайшему окружению Д. Эйзенхауэра²⁴, уверенно шедшему к победе на президентских выборах. Масштабный сенатор, по горло занятый в Вашингтоне, не подозревал о планах Кеннеди. В начале апреля 1952 г. Лодж с удивлением прочитал в газетах заявление Дж. Кеннеди: «Кризис существует не только за рубежом, но и здесь, в штате Массачусетс... Представители штата в сенате США слишком уж долго не ударяют палец о палец, в то время как промышленность штата приходит в упадок и растет безработица». Поэтому, смело заключал Джон, «я выступаю против Генри Кэбота Лоджа-младшего за место в сенате Соединенных Штатов от Массачусетса». Вскоре семейка Кеннеди принялась за работу. Они все слетелись в Бостон; отсутствовала лишь душевнобольная Розмари. Семеро Кеннеди дали каждый по тысяче долларов каждому из пяти комитетов, преследовавших прекрасные цели: «Улучшим рыболовство Массачусетса!», «Улучшим обувную промышленность Массачусетса!», «Улучшим текстильные фабрики Массачусетса!», «Комитет перестройки Массачусетса», «Граждане — за Кеннеди и процветающий Массачусетс!». Почему только по тысяче долларов? Закон штата запрещал одному лицу передавать одной организации больше указанной суммы. Вновь доллары — на марше! Спустя несколько лет Дж. Кеннеди возмущался: «Все еще говорят, что Кеннеди купил выборы, что Кеннеди никогда бы не избрали, если бы его отец не был миллионером; но не деньги Кеннеди и его имя помогли победить на выборах. Я работал три года и заработал успех». Посмотрим. Официально на выборы Кеннеди было истрачено 349 646 долларов. Лоджу кампания обошлась в 58 266 долларов. В неофициальных подсчетах приводились куда большие суммы, обеспечившие Джону пост сенатора, — полмиллиона долларов. А как объяснить такой факт? Фокс, редактор бостонской газеты «Post», находившийся в тяжелом финансовом положении, сразу же после выборов получил заем от Джозефа П. Кеннеди в 500 тыс. долларов. «Обычная коммерческая сделка, — невинно объяснял кредитор. Газета, вероятно, по чистому совпадению, в разгар избирательной кампании обнаружила, что Лодж «не тверд в своих убеждениях», и соответственно рекомендовала добрым гражданам Массачусетса отдать голоса Кеннеди. Когда официально объявился руководитель кампании, двадцатисемилетний Роберт, компетентный наблюдатель заметил: «Мы все знали: старик держит в руках нити. Что Бобби сделал до тех пор в политике? Ничего. И вот внезапно он стал руководителем, размахивающим знаменем»²⁵. Роберт развил невероятную деятельность, указывая всем и вся. Однажды он ворвался в кабинет губернатора Девера и с порога стал заносчиво поучать седого отца штата, как вести себя. Губернатор показал ему на дверь, схватил телефонную трубку и, соединившись с Джозефом, заорал: «Я знаю, ты большая шишка здесь, и все же потрудись меня выслушать. С этой минуты пусть ни один твой сопляк

²³ T. Lane. Op. cit., p. 17.

²⁴ Y. S. Adams. Firsthand Report. The Story of the Eisenhower Administration. N. Y. 1961, pp. 46, 77.

²⁵ «Saturday Evening Post», October 17, 1964.

не попадается мне на глаза». Однако подобные срывы случались редко: семейная машина Кеннеди работала четко, а это решало все. Ведь различий между кандидатами почти не было. Проверка действий Лоджа и Кеннеди в конгрессе как будто внасмешку показала: они стояли «за» и «против» по одним и тем же вопросам. Оба — выпускники Гарварда, оба в войну служили в вооруженных силах, оба слыли либералами, оба не отличались прилежанием в Капитолии. Их, наконец, роднило и то, против чего они в то время не выступали, — против маккартизма.

В то знойное лето 1952 г. зловещая звезда сенатора Маккарти почти достигла зенита, испепеляя своими лучами репутации множества людей, вселяя страх в сердца и смятение в умы. Исследователь, строящий модель американского общества в соответствии со своими убеждениями, волен рассуждать о том, что здоровые силы негодовали, давая отпор проискам маккартистов. В общей исторической перспективе это правильно. В политике же приходилось считаться с реальными фактами: в 1952 г. Маккарти имел массовую поддержку. Выступить против него означало навлечь на себя осуждение внушительной части обывателей Массачузетса, рукоплескавшей антикоммунистическому походу. Помимо ясного осознания этого прискорбного обстоятельства, у Кеннеди еще были и личные соображения. Яростный, вулгарный демагог Маккарти был близким другом Джозефа Кеннеди. Джон также поддерживал дружеские отношения с ним²⁶. Когда демократическая общественность возмущалась грязными инсинуациями и инквизиторскими замашками Маккарти, Джон объяснял: «Я знаю Джо [Маккарти] очень хорошо, в нем что-то есть». Дело не в личных симпатиях. В конце 1952 г. Джон Кеннеди в интервью журналу «Saturday Evening Post» заявил, что ему надоело упреки в том, что он «не истинный либерал». Он так сформулировал свое кредо: «Я очень рад сказать таким людям, что я вовсе не либерал. Я никогда не участвовал в работе организации «Американцы за демократическое действие» и в комитетах американских ветеранов: я не в ладах с ними». Тех, кто не понимал этого, ожидало жестокое разочарование. Один из советников Дж. Кеннеди принес проект заявления кандидата с резким осуждением маккартизма. Он не застал Джона, на месте случился старший Кеннеди. Джозеф схватил заявление и, едва прочитав пару фраз, вскочил, опрокинул столик и чуть ли не с кулаками набросился на непрошеного гостя. «Вы и ваши друзья, — ревел старик, — стремитесь изгадить карьеру моему сыну. Я не против Маккарти, я субсидировал его кампанию». Разгневанный мультимиллионер обвинял либералов, профсоюзных деятелей и евреев в том, что они наносят ущерб сыну. В разгар бурной сцены в комнату вошел Джон. Он никак не выразил отношения к происходившему, ибо Джозеф раз и навсегда уже решил дело.

Политические будды еще не могли поручиться за исход кампании. Лодж сиял отраженным светом Эйзенхауэра. Тогда семья Кеннеди двинула в бой последний резерв — мать. Даже выдавший виды Джозеф смутился, когда тертые политиканы предложили ему бросить в водоворот избирательной кампании немолодую жену. «Помилуйте, она уже бабушка!» — изумился Джозеф. В ответ ему объяснили, что золотая звезда миссис Кеннеди (право носить ее имеют матери, потерявшие сына на войне) очень впечатляет. Джозеф скосил глаза на свой новый синий галстук с надписью «Кеннеди — в президенты!», который он завел с недавних пор, и согласился. Избирательницы Массачузетса стали пачками получать приглашения на «семейные чаепития» (по самым скромным подсчетам, таковых состоялось свыше тысячи с числом участниц более 75 тыс. человек). В зависимости от социального состава присутствовавших Роза Кеннеди представляла то в скромном платье (ирландка, «выбившаяся из низов» и вырастившая девятерых детей), то по пути на другой «чай» она в машине переодевалась и появлялась перед избранной аудиторией в норковой накидке, вся усыпанная драгоценностями. Сначала — несколько слов о сыне, а «теперь я расскажу вам о последних модах, которые я видела в Париже месяц назад». Джон в меру своих сил поддерживал усилия матери. На «чаях» он выступал со стандартной речью, звучавшей примерно так: «Во-первых, по странной причине в Массачузетсе больше женщин, чем мужчин. Во-вторых, мой дед, покойный Джон Ф. Фицджеральд, боролся за место в сенате США тридцать шесть лет тому назад с дедом моего нынешнего противника Генри Кэботом Лоджем-старшим. Мой дед проиграл, его оппонент получил на тридцать тысяч голосов больше. Это случилось тогда, когда женщины на выборах не имели права голоса. Я надеюсь, что, апеллируя к вам, избирательницы, сумею с лихвой наверстать упущенное тогда». Женские сердца таяли. Некий республиканец, свидетель поразительной тактики семьи Кеннеди, вопрошал: «Что в этом Джоне Кеннеди? Что заставляет всех девиц католического вероисповедания Бостона в возрасте от восемнадцати до двадцати восьми лет считать, что избрание его — крестовый поход?» Старый журналист с оттенком профессионального цинизма заметил: «У избирательниц наблюдалась тенденция падать на колени». Вероятно, в самой короткой политической речи, зафиксированной в американской истории, Роберт Кеннеди точно схватил как суть, так и методы кампании: «Мой брат Джон не смог прийти сюда, моя мать не смогла прийти сюда, моя сестра Эннис не смогла прийти сюда, моя сестра Пат не смогла прийти сюда, моя сестра Дэн не смогла прийти сюда, но если бы Джон был здесь, он сказал бы вам, что Лодж всегда очень плохо голосовал в сенате. Благодарю вас»²⁷.

²⁶ R. Rovere. Senator Joe McCartty. N. Y. 1959, p. 13.

²⁷ J. Burns. Op. cit., p. 118.

Кеннеди победил Лоджа, получив 1211984 голоса против 1141247 голосов. «Все эти проклятые чаепития!» — ругался поверженный противник... Сенатору от штата Массачусетс положено в год жалованья 22 500 долларов и отпусилось на секретарей 36 900 долларов. Сумма изрядная, да и сам Кеннеди не скупился прибавить из своего кармана. Канцелярия в Капитолии и канцелярия в Бостоне квалифицированно обслуживали просителей из Массачусетса. Делалось все возможное, чтобы удовлетворить каждого, обращавшегося за помощью. По приказу Кеннеди дверь в вашингтонскую канцелярию была постоянно открыта. Об отзывчивости Кеннеди громко заговорили.

12 сентября 1953 г. многотысячная толпа собралась у дверей церкви, где происходило бракосочетание тридцатилетнего сенатора и двадцатичетырехлетней Жаклин Ли Бьюве. Джон взял жену из очень богатой семьи биржевого дельца. Элегантная Жаклин училась в Вассаре, лучшей американской школе для девушек, продолжила образование в Сорбонне и к моменту выхода замуж делала первые шаги в журналистике: работала фоторепортером «Washington Post». Папа Римский в специальном послании благословил молодых²⁸. Толпа любопытных чуть не сбита у церкви невесту с ног. На свадьбе присутствовало 1 200 гостей. Разместились все: дом-дворец родителей Жаклин, где происходила церемония, стоит на участке площадью свыше 100 га. Семья Кеннеди приняла Жаклин в свое лоно. Ее обучили футболу, и Жаклин немедленно сломала щиколотку в дружеской свалке милых родственников. Жизнь молодой четы оказалась на первых страницах светской хроники. Они купили за 125 тыс. долларов дом в Виргинии и стали планировать большую семью. Кеннеди предупредил жену: чтобы было не менее пяти детей! В августе 1956 г. Жаклин разрешилась мертворожденной девочкой. Дом, где подготовили детскую, продали. Купили другой, в Джорджтауне. В ноябре 1957 г. родилась дочь Каролина, в ноябре 1960 г. — сын Джон, в августе 1963 г. родился второй сын, умерший через два дня.

Жаклин, несомненно, внесла в дом оттенок тщательно отрететированного аристократизма. Живопись, немного музыки, непринужденные беседы. Она сумела осадить грубияна, главу всего клана Джозефа, решительно воспротивилась его отцовской тирании, сократила посещения дома отца до приличного минимума и подарила старику массу написанных ею картин. Отметив необычайное разнообразие лексикона престарелого сквернослова, Жаклин тепло порекомендовала Джозефу писать «рассказы деда для внуков». Пришлось смириться с колющей невесткой.

Клан Кеннеди разросся. Они породнились с известными богачами. Жена Роберта, Этель Скакель, представляла в семье «Грейт Лейкс карбон корпорейшн», одну из крупнейших монополий страны. Стефен Смит (муж Джейн), принадлежавший к семье нью-йоркских судовладельцев, охотно работал в границах финансовой империи Джозефа Кеннеди. Сарджент Шривер, уже трудившийся в одной из компаний Джо Кеннеди, вошел в семью, женившись на Энис.

Помимо обеспечения деловых интересов, многие Кеннеди занялись пестрой по окраске политической деятельностью. В Нью-Йорке Джейн стала помощницей преподающего Д. Келлера, основавшего организацию для борьбы с коммунизмом «путем поощрения христиан работать в областях, излюбленных коммунистами, — государственном управлении, просвещении, трудовых отношениях, литературе и искусстве». Патриция, единственная дочь, осквернившая семейные традиции (она вышла замуж за актера в Калифорнии), участвовала в движении — побудить семьи собираться раз в день за молитвой. Наконец, Роберт в 1953 г. полгода работал в подкомитете по расследованиям сенатского комитета по деятельности правительства. Комитет возглавлял Дж. Маккарти, а членом его уже был сенатор Джон Кеннеди. Маккартисты вызывали растущее негодование и даже озлобление в широких кругах обществственности. С окончанием войны в Корее массовый антикоммунистический психоз стал спадать. Против Маккарти все настойчивее выступали многие. Дж. Кеннеди больше нельзя было молчать, не рискуя политической репутацией. Он избрал средний путь — не осуждать, но и не поддерживать. На вопрос корреспондентов «New York Post», что сенатор думает о Маккарти, Кеннеди ответил: «Не слишком много. Я лажу с ним. Когда я был в палате представителей, я ладил с Маркантонио и Рэнкином. Пока мне не мешают, я не хочу личных ссор»²⁹. Своим друзьям Кеннеди объяснял: «Черт возьми, ведь половина избирателей Массачусетса считает Маккарти героем!» В сенате также считались с Маккарти, никому не хотелось прослыть коммунистом. Г. Хэмфри выдвинул простой план: «Я устал читать заголовки о том, что «мягкок» к коммунизму, — говорил он, — я устал читать в газетах о том, что я — левый. Пришло время разрешить вопрос о коммунизме» (запретить Коммунистическую партию). 75 сенаторов проголосовали «за», среди них — Кеннеди.

Маккарти торжествовал. Через несколько дней он взял слово и поделился с сенаторами воспоминаниями детства. Мальчишкой он с приятелями истреблял скунсов (мелких хищников), пожравших кур. «Очень неприятная работа, — сетовал Маккарти. — Резолюции не помогали против скунсов. Милые маленькиe мальчюки могли принять резолюции против скунсов, но они не помогали нам выкапывать зверюшек из нор. А то был тяжкий труд. Иногда после этой работы наши друзья в церкви

²⁸ E. Lincoln. My Twelve Years with John F. Kennedy. N. Y. 1965, p. 40.

²⁹ J. Burns. Op. cit., p. 144.

не хотели сидеть рядом с нами». Ловкий демагог оконфузил сенат и вместе с другими — Кеннеди.

Все приходит своим чередом, и сенат, наконец, взялся за Маккарти. Его сторонники оттягивали решение. Сенатор Кеннеди голосовал за предложение Истленда отложить рассмотрение дела Маккарти. Лишь 2 декабря 1954 г. сенат осудил Маккарти 67 голосами против 22. Кеннеди не присутствовал на заседании: он был в больнице. Однако все остальные отсутствовавшие сенаторы дали знать, как они проголосовали бы. Только от Кеннеди не было ни звука. Много спустя Дж. Кеннеди дал развернутое объяснение: «Мы все голосовали за то, чтобы пустить Маккарти в сенат. Мы ассигновали на его деятельность средства. Следовало высказаться по любому вопросу до января 1953 года. По праву справедливости тот, кто не говорит, как он нужно говорить, теряет право говорить. В конце концов Маккарти осенью 1952 г. был избран жителями штата Висконсин, которые послали его в сенат представлять их интересы. Сенат принял его, сделал председателем комитета, ассигновал ему деньги. Если были возражения против его деятельности до 1953 г., тогда следовало бороться в январе 1953 г., когда он занял свое место... И, черт возьми, если начать осуждать сенаторов, можно зайти далеко... Мы никогда очень строго не судили о наших пэрах, и, вероятно, так поступать правильно...»

В 1959 г., преодолевая предполье на пути к Белому дому, Кеннеди посетил родной штат Маккарти — Висконсин; его радушно встретили. В местном пресс-клубе группа журналистов пропела прямо в лицо высокому гостю на мотив «Клементины»:

О Джон, о Джон, где ты был, где ты был,
Когда сенат Джо осудил?

Лица, знавшие Дж. Кеннеди близко, согласны, что именно во время болезни на рубеже 1954—1955 гг. он стал серьезно размышлять о том, как стать президентом. Если это так, тогда книга «Очерки политического мужества», дав ему популярность, послужила и серьезным камнем преткновения. Памятуя о маккартизме, Элеонора Рузвельт сказала: «Я дважды подумаю перед тем, как поручить принятие трудных решений, которые предстоит вынести следующему президенту, человеку, который знает, что такое мужество, восхищается им, но не обладает достаточно независимым характером, чтобы проявить его»³⁰. Видимо, сам Дж. Кеннеди понял это. Во всяком случае, когда его ближайший советник А. Шлезингер заметил, что за название книги пришлось тяжело поплатиться, автор сухо ответил: «Несомненно, однако в ней нет главы обо мне».

А история этой книги такова. Шел 1954 год. Джон Кеннеди, теперь уже сенатор, так и не занял определенной позиции в деле Маккарти. Либералы неистовствовали. Они настойчиво повторяли, что возраст сенатора, тридцать восемь лет, начисто исключает стариковскую осмотрительность. Тогда каковы же мотивы его действий? У Кеннеди оказалось достаточно свободного времени, чтобы обдумать политические последствия этой кампании. Осенью 1954 г. боли в спине усилились, и он был помещен в Манхэттенскую больницу специальной хирургии. 21 октября Кеннеди перенес первую операцию: врачи решили вынуть стальную пластину, приделанную к спинному хребту военными хирургами в 1944 году. Вместо выздоровления последовали недели мучительных болей. Он был прикован к больничной койке. Правда, пациентапустили провести невеселый Новый год с семьей, но в феврале 1955 г. последовала новая операция. Кеннеди причастился, а родные у операционной поддерживали хирургов молитвами. На этот раз исход оказался удачным, и больной стал быстро набирать силы. В конце февраля Кеннеди покинул стены больницы и отправился в Палм-Бич (штат Флорида), чтобы на прославленном курорте окончательно встать на ноги.

Попался, наконец, толковый врач, разобравшийся в сущности заболевания: дело было в нервных связках спинных мускулов. Он применил соответствующую терапию и попутно выяснил то, чего не замечали раньше: одна нога Джона была почти на два сантиметра короче другой; отсюда — постоянная нагрузка на позвоночник. Заказали ортопедическую обувь. Стало много легче. Джон часто повторял слова Сомерсета Моэма, «Страдание не облагораживает, а озлобляет человека». Наверное, он соглашался с писателем, хотя и не показывал этого.

В период выздоровления чаще, чем раньше, он просил Жаклин прочитать ему любимое стихотворение «Встреча со смертью» Алана Сигора. Там были такие строки: «У меня — встреча со смертью, в полночный час в горящем городке, когда весна пойдет на север; а я клятве смерти верен буду и я приду на встречу с ней». Джон, полузакрыв глаза, согласно покачивал головой, сидя в кресле-качалке. Он полюбил это кресло, удобное для больной спины. «По крайней мере половину дней, проведенных им на земле, — писал о брате Роберт, — он страдал от страшной физической боли». Упорно подозревали туберкулез адреналиновых желез.

Тяжкие ли испытания или мучительная необходимость публично объяснить свое отношение к маккартизму, а скорее и то и другое побудили сенатора задуматься. Если болезнь не дала ему возможности явиться в Капитолий в день, когда сенат осудил

³⁰ A. Schlesinger. Op. cit., p. 14.

Маккарти, то выздоравливающий мог свободно владеть пером. Кеннеди задумал на бумаге разрешить шекотливый тогда для него вопрос. Так появился на свет символ веры Джона Фицджеральда Кеннеди, книга «Очерки политического мужества». Хотя журналисты, перелистав творение сенатора, пустили в обиход меткую остроту (Кеннеди следовало бы поменьше показывать профиль, но быть более мужественным³¹), книга по профессиональным критериям была написана неплохо. Сочинитель получил премию Пулицера, но в стране было поставлено под сомнение авторство Кеннеди, будто книгу написали за него «писатели-тени». Это, конечно, раздосадовало самолюбивого автора. Когда журналист Дрю Пирсон прокомментировал в массовой телевизионной программе получение премии Пулицера указанием на то, что книга сделана руками других, Кеннеди сначала пригрозил ему судом. Потом смягчился, пригласил Пирсона и дал просмотреть ему рукопись. Пирсон поверил. Чтобы убедить массы, Кеннеди распорядился снять фотокопии со страниц рукописи и пустил их в дело в кампании 1958 г. по перевыборам в сенат. Фотокопии украсили окна штаб-квартиры сенатора в Бостоне. Неверующие могли теперь убедиться в том, что во время выздоровления весной 1955 г. во Флориде Кеннеди не бездельничал. Перед их глазами были плоды «титанического труда»: автор боролся с непокорными словами, часто перечеркивал написанное, делал вставки и с черновика диктовал второй вариант стенографистке. Так что же именно сочинил Джон Кеннеди, сидя на своем рабочем месте в кресле перед плавательным бассейном у громадного дома в Палм-Биче?

Он писал о мужестве на примерах жизни десяти американских сенаторов с начала XIX в. до пятидесятых годов XX столетия. Список американских витязей составили коллективными усилиями автор и несколько профессоров истории, возглавлявшихся А. Невинсом. Последний написал также предисловие к книге и отредактировал ее. Первым героем повествования был Джон Куинси Адамс, служивший сенатором в первом десятилетии XIX в., а в 1824—1828 гг.— президент США. Заключал работу рассказ о сенаторе Роберте Тафте, достигшем своего политического потолка на рубеже 40-х—50-х годов XX столетия, сыне президента США в 1908—1912 годах. Давно сложилось мнение, что величайшее мужество проявляют люди, презирающие смерть ради высокой идеи. Автор внес поправку в устоявшееся понятие: все десять упоминаемых им лиц не шли на смерть, но они выступали в сенате вразрез с мнением большинства. И все. Иногда им удавалось убедить политических противников, иногда нет. Отсюда — разные судьбы у каждого из сенаторов в дальнейшем. Отнюдь не политическая принадлежность, предупреждал автор, определяла выбор им героев книги. «Мы, в США,— настаивал Кеннеди,— где брат когда то сражался с братом, не судим о мужестве человека под огнем, исходя из цвета знамени, под которыми он служил»³². Однако автор сумел обнаружить мужественных сенаторов только среди тех, кто в Капитолии отстаивал дело Юга (до или после гражданской войны в США). Пламенный, чуть ли не поэтически взволнованный очерк посвятил он сенатору Э. Россу, тому самому, который в 1868 г. сорвал осуждение сенатом президента-реакционера Эндрю Джонсона. Когда состоялся единственный в истории США суд сената, именно голоса Росса не хватило для вынесения обвинительного вердикта, ибо по конституции требовалось большинство в две трети голосов. Когда в мертвой тишине зала, вспоминал Росс впоследствии, он подал свой голос против, то он «буквально заглянул в свежевырытую собственную могилу». Ужасных последствий, впрочем, не наступило, и Росс прожил остаток жизни дарней, отвергнутым своими согражданами, в штате Канзас. Он сам избрал этот жребий, не последовав искреннему совету канзасцев: «Веревка Иуды Искариота потеряна, но пистолет у тебя под рукой». На взгляд Кеннеди, подвиг Росса состоял в том, что он «сохранил для нас и потомства конституционное правительство в США», ибо сорвал суд над президентом. Допустим, что это так (тем более, что Кеннеди рассуждает: «После длительного изучения документов я убедился, что национальный интерес, а не личные или политические выгоды двигали поступками тех, кого я описал»). Не будем вступать в дебри американской истории; туземцам виднее. Однако как быть с очередным героем-сенатором Робертом Тафтом, который попал на страницы книги за свой подвиг, далеко выходящий за пределы США? Накануне исполнения приговора, вынесенного международным трибуналом, судившим главных немецких военных преступников в Нюрнберге, Р. Тафт 6 октября 1946 г. заявил: «Суд победителей над побежденными не может быть беспристрастным, как бы его ни обставляли формальностями юриспруденции... В этом процессе мы восприняли русскую идею целей процесса — правительственная политика, а не справедливость, что имеет крайне отдаленное отношение к англосаксонскому наследию. Скрыв политику в форме судебной процедуры, мы можем дискредитировать всю идею правосудия в Европе в грядущие годы... Нарушается основополагающий принцип американского права: человека нельзя судить по закону, принятому после свершения преступления». В целом, заключил сенатор Тафт, процесс в Нюрнберге — «пятно» на американской конституционной истории. Он предложил избавить осужденных от петли и вместо этого выслать их на

³¹ Игра слов: название книги — «Profiles in Courage», в буквальном переводе — «Мужественные профили». Краткий биографический очерк по-английски называется «Profile».

³² J. Kennedy. Profiles in Courage. N. Y. 1960, p. 240.

отдаленные острова, как в свое время было сделано с Наполеоном I. Защита Тафтом нацистских убийц вызвала громадный взрыв негодования в самих США и, признает Кеннеди, навсегда исключила для Тафта возможность выдвижения своей кандидатуры на пост президента, хотя многие считали, что он станет таковым на выборах 1948 года. Сочиняя свою книгу в 1955 г., Кеннеди утверждал, что «ныне (взгляды Тафта.— Н. Я.) разделяются большей частью американцев. И их, по крайней мере негласно, разделяло значительное число лиц в 1946 году». Добавим: в 1946 г. Маккарти тоже выступил против осуждения нацистских военных преступников. Если так, то тогда рассуждения Кеннеди о том, что Тафтом и иными двигали «национальные интересы», приобретают любопытное направление. Во всяком случае, тождество взглядов Кеннеди и Маккарти в этом вопросе неоспоримо.

И все же чего добивался автор своей книгой? Он пытался выступить апостолом американской буржуазной демократии, укрепить ее. Простачки в США, наверное, считают, что представители, посланные ими в Капитолий, отражают волю избирателей. По изощренной логике Кеннеди выходило совершенно противоположное. «Трудно согласиться с таким узким взглядом на роль сенатора Соединенных Штатов,— пишет он,— когда утверждают, что избиратели штата Массачусетс направили меня в Вашингтон просто в качестве сейсмографа, чтобы отражать сдвиги в настроении народа. Я отвергаю этот взгляд... Коротко говоря, избиратели выбрали нас потому, что доверяют нашему суждению и нашей способности претворять его в жизнь с позиции, когда мы можем оценить, в чем заключаются их истинные интересы как часть национальных интересов. Отсюда следует, что мы должны иногда руководить, информировать, исправлять и даже игнорировать мнение избирателей, если мы хотим полностью осуществить наше понимание, за которое нас избрали». Эту поразительную доктрину отношений между избирателями и их избранниками автор развил отнюдь не ради академического исследования механизма американской демократии. Его основной вывод гласит: «Поскольку наша общественная жизнь во все возрастающей степени сосредоточивается на (вероятно, бесконечной) войне, названной нами странным эпитетом «холодная»,—возникает тенденция поощрять строгое идеологическое единство и ортодоксальный образ мышления. Поэтому в грядущие годы только самые мужественные политики смогут принимать тяжелые и непопулярные решения, необходимые для того, чтобы выжить в битве с могучим противником»³³. Это заключение стирает все грани между голый тиранией и так называемым представительным правлением. Сенатор Кеннеди взялся теоретически обосновать ничем не ограниченное правление ссылками на американскую историю. Игнорирование воли народа в прошлом он поставил в заслугу избранным им лицам и возвел в принцип желательного образа правления в нынешних США.

Книга Дж. Кеннеди вызвала к ее автору немалый интерес. Сенатор показал себя как «человек дела». Хорошо организованная кампания повышения его популярности набрала силу. Дж. Барнс замечает: в январе 1957 г. «при опросе общественного мнения (кого хотят видеть кандидатом от демократической партии на пост президента?—Н. Я.) 38% высказалось за Кефовеера и 41% — за Кеннеди. Четыре месяца спустя при подобном же опросе результаты выглядели так: 33% к 45%. Поскольку единственным событием за эти месяцы было присуждение ему премии Пулитцера, представляется вероятным, что литературные почести означают больше для общественного мнения, чем обычно думают...»³⁴

(Продолжение следует.)

³³ Ibid., pp. 16—19

³⁴ J. Burns, Op. cit., pp. 158—159.